
ПОРТРЕТЫ

ЛИВАН И ЕГО ДИАСПОРА: ПРЯМАЯ И ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Е.М. Савичева

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности формирования ливанской диаспоры и ее связи с ливанским обществом. Проводится анализ статистических данных, проливающих свет на положение ливанских диаспор в различных частях света.

Ключевые слова: Ливан, миграция, диаспора, статус, демографические проблемы, утечка умов, этноконфессиональные группы, ассимиляция.

Не будет преувеличением утверждать, что современный мир во многом есть результат многовековых перемещений человеческих сообществ. Упомянем в качестве примера массовые миграции германских, славянских, тюркских, иранских и других племен в IV—VII вв., запечатленные в истории под названием «великое переселение народов», и далее — обширные арабские, нормандские, османские, монгольские завоевания, освоение Нового Света и других земель в период великих географических открытий и последовавшую за ними колониальную эпоху. Выходцы из разных социальных слоев, люди разных этнических принадлежностей и различных вероисповеданий устремлялись туда, где они надеялись обрести лучшую жизнь, туда, где благоприятнее выглядели условия для их самореализации.

Таким образом, миграционные потоки людей, стремящихся в более развитые, богатые, благополучные земли — явление далеко не новое, если не сказать, извечное. Растущая мобильность населения в разных странах мира обусловлена, помимо прочих мотивов, непрерывно увеличивающимся разрывом в уровнях жизни, благосостояния, культуры, здравоохранения и т.д. между высокоразвитыми и развивающимися государствами. Не удивительно, что в настоящее время абсолютно преобладающим вектором перемещения мигрантов стало движение из стран бедного «Юга» в государства богатого «Севера». В отдельно рассматриваемом ниже случае с Ливаном к вышеперечисленным факторам можно присовокупить перманентное состояние глубокого внутреннего раскола в местном обществе, что в разные периоды усугублялось извне воздействием региональных и международных конфликтов.

Активные международные миграции превратились в неотъемлемый фактор существования и развития современного мира. Миграции оказывают все возрастающее влияние на состояние международных отношений (причем и на двустороннем, и на многостороннем уровне), изменяют демографическую, этническую и конфессиональную ситуацию в отдельных странах и целых регионах, приносят серьезные последствия как для стран-доноров, так и для реципиентов. В зависимости от конкретных обстоятельств миграция может стать как положительным импульсом, стимулирующим развитие экономического и научно-технического потенциала того или иного государства, так и напротив — оказывать негативное, дестабилизирующее воздействие на социумы.

Эксперты, специализирующиеся на миграционной проблематике, особо подчеркивают многогранность и неоднозначность сего феномена, отмечая, что «миграция — это не только социально-экономический, но и сложный этнокультурный процесс, который сопровождается, помимо увеличения или уменьшения численности населения, еще и изменением его этнического состава, формированием локальных этнических общностей и диаспор, вносит изменения в культурно-бытовую сферу и даже меняет репродуктивные установки населения» [6. С. 36].

Арабский Восток являет собой классический пример региона с интенсивным миграционным течением, в основном идущим из этих стран в более развитые экономические зоны (исключая группу нефтедобывающих государств, которые сами превратились в региональный центр сосредоточения трудовых ресурсов).

Причины, породившие массовую миграцию, лежат на поверхности. Это — политическая неустойчивость, экономическая депрессия и социальная напряженность, высокий уровень безработицы в арабском мире. Приведем лишь несколько цифр, относящихся к ближневосточному региону: примерно 30—40% населения живут на два доллара в день, тогда как 5—7% владеют 50% национального дохода, 50% жителей неграмотны, 20 млн человек — безработные [1].

Обратим внимание и на серьезные демографические проблемы в регионе. По данным одного из зарубежных экспертов, население Ближнего Востока и Северной Африки выросло с 78,6 млн в 1956 г. до 307,1 млн в начале XXI столетия. Согласно некоторым прогнозам, его численность достигнет 376,2 млн в 2010 г., 522,3 млн в 2030 г. и 656,3 млн в 2050 г. Такая демографическая динамика неизбежно приведет здесь к исчерпанию земельных и особенно водных ресурсов, поставит регион в зависимость от источников импорта продовольствия, увеличит долю молодых людей в работоспособном возрасте (15—30 лет) с 20,5 млн в 1950 г. до 145,2 млн в 2050 г. [4]. Сохраняющиеся высокие темпы прироста населения также позволяют предположить, что в ближайшие два десятилетия региону потребуется порядка 100 млн дополнительных рабочих мест.

Социологические опросы, проведенные в странах региона, показали, что 51% молодых людей в возрасте от 17 до 21 года хотели бы эмигрировать в другие страны. Доля лиц с высшим образованием, желающих покинуть родные края ради поиска возможности для успешной реализации своего потенциала, столь же высока. До четверти выпускников арабских светских учебных заведений эмигрируют [3].

Ситуация усугубляется спецификой развития самих арабских обществ. В них давно назрела необходимость серьезной социально-экономической и политической модернизации и реформирования. Однако даже если в некоторых странах и предпринимаются попытки подобного рода, то, как правило, они не доводятся до логического завершения. А в большинстве случаев правящие режимы, не готовые к осуществлению системных преобразований, тем более в условиях острой внутривластной борьбы и нестабильной (порой даже взрывоопасной) ситуации в регионе, предпочитают силовые «развязки» решения проблем, фактически отвергая альтернативу длительного, поэтапного, объективно болезненного процесса трансформации общества. И как итог — колоссальный разрыв в уровнях развития арабских и западных государств. Например, соотношение уровней дохода самой преуспевающей страны севера и самой бедной страны юга Средиземноморья составляет 15 : 1.

Пример Ливана в заданном здесь контексте заслуживает внимания уже потому, что в историю этого государства изначально был вплетен миграционный лейтмотив, так же как и логически вытекающее из этого словосочетание «ливанская диаспора». Кризисы, международные, региональные и внутренние конфликты и ставший их неизбежным следствием упадок в экономике и социальной сфере — все это заставляло жителей небольшой арабо-средиземноморской страны на протяжении многих десятилетий покидать родные края и искать счастья далеко за ее рубежами. Только в период опустошительной гражданской войны 1975—1989 гг. из Ливана уехали 900 тыс. человек, и лишь немногие из них впоследствии вернулись на родину [21. С. 54]. В настоящее время Ливан в национально-демографическом плане являет собой необычайный пример: за рубежом проживают порядка 15 млн уроженцев этой страны и их потомков, тогда как население самой страны насчитывает около 4 млн человек.

В течение всего XX в. крупные волны миграции совпадали для Ливана с кризисными периодами истории: начало века, ознаменовавшееся сначала ослаблением, а затем и гибелью Османской империи, I и II мировые войны, длительная гражданская война, неоднократные вооруженные вторжения извне, оккупация Израилем юга Ливана и т.д., — после чего поток мигрантов из разрушенной «ближневосточной Швейцарии» уже не ослабевал. И если в первой половине XX в. за рубеж в основном уезжали ливанцы-христиане, то во второй половине столетия за ними активно потянулись и мусульмане. Отличительной чертой миграций из Ливана является и то, что миграционные потоки из страны имели всплески, но фактически никогда не иссякали.

Активная миграция ливанских христиан за рубеж в первые десятилетия XX века была обусловлена, помимо всего прочего, и спецификой складывавшейся в стране конфессиональной системы. По традиции, христиане — марониты, православные, армяне в основном получали образование в частных лицеях и престижных университетах, таких как Американский университет в Бейруте и университет Святого Иосифа, где программы преподавания были французскими или американскими. Так, в 1968 г. в Американском университете г. Бейрут учились 55% христиан и 45% мусульман, в Ливанском университете — 46% и 54% соответственно, а в университете Святого Иосифа доля студентов-христиан состав-

ляла 85% [2. С. 59]. Кроме того, местные христиане, по большей части марониты, контролировали значительную часть внешнеторговой сферы, что расширяло их возможности для общения с приезжими иностранцами и ознакомления с потенциальной возможностью самореализации за рубежом. В дальнейшем, когда образовательные диспропорции между религиозными общинами начали сглаживаться (в том числе, и за счет перевеса в уровне рождаемости среди мусульман), Ливан стал поставщиком рабочей силы за рубеж из всех проживающих на его территории конфессий.

По данным министерства эмиграции Ливана, из страны в основном уезжает молодежь в возрасте от 20 до 29 лет. При этом 85% мигрантов — это мужчины, что в условиях хоть небольшого, но перевеса количества женщин в стране может создать дополнительную социальную напряженность. Женщины из Ливана в основном уезжают ради замужества или для воссоединения с проживающими за рубежом семьями. Необходимо отметить, что для большинства ливанских мигрантов (90,5%) побудительным мотивом для расставания с родиной служат экономические причины, тогда как 5% направляются в другие страны для получения высшего образования. По данным статистики, пропорция между мигрантами — неквалифицированными рабочими и специалистами — практически равная (последних — 47%) [16. С. 20].

На ранних этапах переселения арабы активно ехали осваивать американский континент, в том числе латиноамериканские государства, где были и остаются сильны позиции римско-католической церкви. В отличие от европейских мигрантов, старавшихся обзавестись солидной недвижимостью и скупавших земли в Америке, обладающие коммерческой жилкой ливанские христиане предпочитали крупные города. Именно там они надеялись основать хоть и маленькое, но свое собственное дело: мастерские, магазинчики, рестораны и кафе. Из этих мелких предприятий порой вырастали крупные промышленные и торговые компании.

Особую волну миграции создали ливанские евреи, ряды которых в середине XX в. пополнились еврейскими переселенцами из Ирака и Сирии. И если в 20—30-е гг. они не поддались сионистскому призыву переехать в Палестину, а в годы первой арабо-израильской войны служили в ливанской армии, то начавшаяся в 1958 г. в Ливане гражданская война вынудила многих евреев покинуть родину. Последующие волны миграции из Ливана были следствием вооруженных конфликтов, в которые постепенно оказалось втянуто ливанское общество. В 1982 г. правительство Израиля выразило желание приютить ливанских евреев и дать им гражданство, однако многие из них предпочли уехать в США, Францию, Бразилию, Канаду и ЮАР (по подсчетам главы Маронитского исследовательского института Гиты Хаурани, в ЮАР в 2000 г. проживало около 20 тыс. ливанцев, 17 тыс. из них обосновались в Йоханнесбурге [14]).

До сих пор характер расселения ливанских мигрантов и их потомков за рубежом имеет ярко выраженную урбанистическую окраску. В США, например, ливанская диаспора сосредоточена в сугубо «городских» штатах — Мичиган (только в пригороде Детройта Деборне проживают порядка 150 тыс. американцев ливанского происхождения), Калифорния, Огайо, Флорида и Массачусетс; в Австра-

лии — в Сиднее, в Бразилии — в Сан-Паулу, в Канаде — в Монреале. Именно промышленные центры в послевоенные годы (после Первой и Второй мировых войн) давали возможность мигрантам найти достойную работу, которая служила обязательным условием для их интеграции в общество, развития личности, накопления первоначального капитала, а, следовательно, и возможности дать образование детям. И именно в среде второго и последующих поколений мигрантов размывалась граница «мы — чужие», что вкупе с присущей любому амбициозному мигранту активностью позволило некоторым гражданам достичь высших ступенек карьерного роста в бизнесе и государственном управлении. Один из самых ярких таких примеров — мексиканский бизнесмен Карлос Слим, сын маронита Юсефа Салима, по прибытии в Мехико сменившего имя на Юлиана Слима. Карлос Слим смог создать телекоммуникационную империю, которая подняла его на второе место в списке самых богатых людей планеты. Сейчас личное состояние Слима оценивается в 60 млрд долларов [18]. Не только на своей родине, но и по всему миру прославились выходцы из Ливана и их потомки: актриса Сальма Хайек (Мексика), певица Шакира (Колумбия), экс-глава совета директоров Fox Broadcasting Co. и United Paramount (TV) Network Люси Салхани (США), бывший глава Ford Жак Нассер (Австралия), известный кризисный топ-менеджер и президент Renault-Nissan Карлос Госн (Бразилия), поднявший на ноги компанию Swatch Николя Хайек (Швейцария), создатели мультфильма «Том и Джерри» Джозеф Барбера и Уильям Ханна, кинопродюсер Марио Кассар (США) и др.

Сейчас ливанцы представляют собой наиболее крупную и притом рассредоточенную по миру арабскую диаспору. 70% мигрантов (родившихся в Ливане и уехавших за рубеж) проживают в США, Австралии и Канаде [12. С. 5]. При этом ливанцы, наряду с египтянами, чаще других арабских переселенцев добиваются гражданства в стране-реципиенте.

Процесс формирования ливанской диаспоры начался приблизительно в конце XIX в., когда арабы стали покидать родину, спасаясь от гнета османских правителей. Их, жителей автономного Горного Ливана, прибывавших на судах в крупные американские и европейские порты, называли тогда сирийцами. Волны миграции в первые десятилетия XX в. устремлялись далеко к Американскому континенту в связи с тем, что его не затронула война, там были обширные неосвоенные пространства, активно развивалась промышленность и бизнес. И лишь после Второй мировой войны ливанцы начали более активно осваивать истерзанную Европу, которая нуждалась в значительных трудовых ресурсах.

Самое многочисленное ливанское землячество к настоящему времени сформировалось в Бразилии. Там, по разным данным, к ливанцам причисляют себя около 7 млн человек, что почти в два раза больше населения современного Ливана. Бразилия на рубеже XIX—XX вв. привлекала арабских мигрантов (наряду с немцами, итальянцами и японцами) прежде всего начавшейся индустриализацией и урбанизацией. Кроме того, у арабов-христиан здесь была возможность безо всяких помех отправлять свои религиозные обряды. Все эти факторы вместе взятые обусловили появление крупной ливанской диаспоры именно в этой латиноамериканской стране.

Вместе с тем симптоматично, что в последние два десятилетия поток мигрантов из арабских стран, в том числе из Ливана, в Латинскую Америку ослаб, а предыдущие поколения ассимилировались в пестрое бразильское общество. Этот факт отметил и президент страны Луис Игнасио Лула да Сильва в ходе организованных в 2005 г. торжеств по случаю 125-летия с начала массовой ливанской миграции в Бразилию. По словам да Сильвы, ливанцы смогли внести значительный вклад в создание бразильской нации и интегрировались во все сферы жизни местного общества, привнеся в них свою энергию и талант [17].

Арабские мигранты первых поколений практически полностью растворились и в социуме Аргентины, где, по оценкам Госдепартамента США, насчитывается около 500—600 тыс. ливанцев, сирийцев и других арабов [2]. Аналогичные процессы имели место и в Мексике, Венесуэле, Колумбии. Отметим, что во второй половине XX в. Латинская Америка перестала быть «землей обетованной» для выходцев из Ближнего Востока — теперь они предпочитали ехать в более развитые страны. Так, в настоящее время в Мексике проживают лишь около тысячи мигрантов, которые родились в Ливане и прибыли на постоянное место жительства в эту латиноамериканскую страну сравнительно недавно [12. С. 5], тогда как общее число потомков ливанцев составляет здесь около 500 тыс. человек, большинство из которых являются христианами и проживают на полуострове Юкатан [24]. Любопытно, что именно там, в городе Веракрус, на берегу Мексиканского залива, в 2003 г. был установлен памятник мигранту-ливанцу. Так мексиканцы отметили 125-летие с момента высадки в Веракрусе первых ливанских переселенцев.

Похожая ситуация сложилась и с ливанскими мигрантами первых волн, направлявшимися в США. Гражданин любых политических, идеологических, религиозных и иных убеждений мог найти здесь себе применение и попытаться реализовать «американскую мечту». Между тем, в США ехали в основном арабы-христиане, потомки которых к настоящему времени практически полностью интегрировались в американское общество, отступив от национальных традиций и родного языка. В США, как и в других американских государствах, ортодоксальные (православные) ливанцы часто становились адептами католицизма и протестантизма, отчего они уже окончательно сливались с местной социальной средой.

Сейчас в Соединенных Штатах проживают около полутора миллионов человек, идентифицирующих самих себя в качестве ливанцев. При этом в отчетах Статистического бюро страны отмечается, что таковыми зачастую считают себя люди, у которых на деле имеется лишь память о предках. Ливанцы составляют самую обширную из арабских диаспор США (29% от общего числа арабов), и лишь 12,2% из них не стали американскими гражданами (аналогичный показатель по всей арабской общине в два раза выше) [23]. Ливанцы лучше других арабских мигрантов владеют английским языком (многие из них уже забыли арабский) — только 13,7% получили при тестировании оценки ниже «очень хорошо». По такому показателю, как наличие среднего и высшего образования, потомков ливанцев обогнали только египтяне: среди считающих себя ливанцами среднюю школу окончили 85,6% граждан, а 38,6% отучились в высших учебных заведениях, по-

лучив степень бакалавра и выше. Экономические достижения у потомков ливанских мигрантов также оказались более впечатляющими, чем у других арабов, в частности, у них самый высокий уровень занятости и заработной платы.

В последние два десятилетия одним из самых популярных миграционных направлений для Ливана стала Канада. В первую очередь это связано с высоким уровнем жизни в этой североамериканской стране, ее потребностями в молодой и квалифицированной рабочей силе, а также с более мягким миграционным законодательством, нежели в США (где начали жестко ограничивать въезд уже в 1960-е гг.). Кроме того, в Канаде вторым государственным языком является французский, которым ливанцы традиционно владеют достаточно уверенно. Так, по данным переписи 2001 г., большинство ливанцев и их потомков осели в двух самых густонаселенных провинциях — Онтарио (41,2%) и во франкофонном Квебеке (34,1%), где миграционное законодательство наиболее щадящее.

В Канаде ливанцы представляют собой шестую по численности неевропейскую диаспору, и она продолжает расти. Примерно половина от обосновавшихся здесь к началу нашего столетия ливанцев (143,6 тыс.) родились на своей исторической родине, что, однако, не помешало им наряду с китайцами, украинцами, поляками и индусами быстро интегрироваться в канадское общество. Согласно канадской статистике, 97% мигрантов владеют одним из официальных языков — английским или французским, а 31% — обоими языками (показатель вдвое выше среднеканадского). По сравнению со среднестатистическим канадцем, выходцы из Ливана чаще заканчивают школы и высшие учебные заведения, а ученые степени в высокотехнологичных областях они здесь получают примерно в среднем в два раза чаще. При этом, однако, средний ливанский мигрант имеет зарплату на 2 тысячи долларов меньше, чем средний канадец, а 28% из них не получают прожиточного минимума.

И вот что еще характерно: большинство ливанских мигрантов в Канаде являются христианами — католиками (42%), православными (11%) и протестантами (10%), тогда как мусульмане составляют около 30% от всей диаспоры. Интересен тот факт, что здесь, как и в США, некоторая часть ливанцев вообще не ассоциирует себя с какой-либо религией — около 6% ливанских канадцев в ходе переписи 2001 г. указали, что не принадлежат ни к какой конфессии.

Высокая степень ассимиляции, религиозная и языковая общность создали благоприятные условия, при которых ливанские канадцы включились в активную политическую жизнь. 70% выходцев из этой ближневосточной страны, имеющие право голоса, регулярно реализуют его на федеральных и муниципальных выборах, а 36% состоят в различных общественных организациях.

И все-таки жизнь ливанских и других арабских мигрантов в Канаде нельзя назвать безоблачной. Усиливающееся миграционное давление на канадское общество, растущая конкуренция на рынке труда, проявление националистических тенденций привели к тому, что 23% выходцев из Ливана ощущают себя жертвами расовой, религиозной или этнической дискриминации [20].

Схожая ситуация сложилась с ливанскими мигрантами и в Австралии. Они приступили к активному освоению «зеленого континента» в последней четверти

минувшего века. По данным статистики за 2001 году, в Австралии проживали 162,2 тыс. человек, считающих себя ливанцами, половина из которых — потомки мигрантов уже во втором поколении. Притом 80% мигрантов ассимилировались настолько, что даже дома общались на английском языке [8]. В связи с тем, что в последние десятилетия за рубеж из Ливана стало уезжать больше мусульман, в Австралии разница между количеством мусульман и христиан не столь высока, нежели в США или странах Латинской Америки. По данным на 2006 г., среди австралийских ливанцев 53% были христианами, а 40% — мусульманами [19].

Несмотря на то, что мигранты и их потомки составляют большую часть населения Австралии и в стране проживают представители 250 этнических групп, не все мигранты спокойны за свое благосостояние и жизнь. Всем памятно события декабря 2005 г., когда арабская молодежь громила магазины и переворачивала автомобили на улицах Сиднея. Так мигранты отреагировали на нападения молодых людей европейского облика на выходцев из арабских стран. Первоначальной же причиной, вызвавшей беспорядки, стало нападение неких мужчин арабской наружности на двух пляжных спасателей в пригороде Сиднея.

Сиднейские события вновь подтвердили, насколько хрупкой субстанцией является этноконфессиональный баланс в любой стране, насколько остро в современном мире стоит проблема самоидентификации различных социальных групп и, соответственно, разделения на «своих» и «чужих». В той же связи упомянем, что глобализация перевела в новое измерение широкий круг международных аспектов, включая ту же миграционную проблематику. Она же привнесла специфические черты и в сами миграционные процессы, заставив по-иному взглянуть на их причины и следствия. Есть все основания говорить о том, что проблема миграций из разряда второстепенных перешла в число «горячих тем», став новым вызовом мировому сообществу.

Весьма остро проблема ассимиляции иностранных мигрантов встала в Европе. Приняв миллионы беженцев, гастарбайтеров и прочее, европейские государства столкнулись с проблемой поиска баланса между традиционными ценностями — свободой слова и личности — и ценностями и потребностями других этносов. Между тем, арабская диаспора в Европе, насчитывающая миллионы, послужила питательной средой формирования так называемого «евроислама». Сегодня ислам — вторая по числу приверженцев религия в Европе. Во Франции, например, мусульманская община — крупнейшая на континенте и она насчитывает от 5 до 7 млн человек, составляя около 10% общей численности населения страны. Иммиграция в и без того плотно населенную Европу поставила перед государствами ЕС задачу приобщения переселенцев к европейским ценностям, обеспечения их рабочими местами, предоставления им социальных гарантий. Усиление международной конкуренции, снятие таможенных барьеров в рамках ВТО, появление высокотехнологичных секторов, не требующих привлечения неквалифицированной рабочей силы, — все эти современные факторы парадоксальным образом способствуют созданию ситуации, отнюдь не радующей коренных европейцев и вызывающей их растущую озабоченность: ведь их рабочие места все чаще достаются чужакам, которых к тому же становится все больше.

В ряде европейских стран массовый приток иностранных рабочих из афроазиатского мира породил острые социальные, религиозные, этнические и расовые противоречия. В принципе европейским государствам, с их давними демократическими традициями и уважением прав человека, свойственна терпимость по отношению к иммигрантам. Однако в последнее время иммиграция все чаще воспринимается там как явление, негативно отражающееся на всех аспектах жизни европейского сообщества, подрывающее его стабильность и безопасность. Результаты социологических опросов дают неутешительный прогноз: процент жителей стран ЕС, недоброжелательно воспринимающих иностранцев — мигрантов и гастарбайтеров, приближается к 50%.

Какие вызовы и угрозы несет для Европы массовая миграция, в том числе арабо-мусульманская? Отметим, что последствия этого процесса могут быть неоднозначными и противоречивыми, причем для обеих сторон. Известный российский востоковед А.В. Малащенко полагает, что в ближайшие десятилетия Европе предстоит претерпеть «коррекцию идентичности», а исламская традиция «становится органической и легитимной частью европейской культуры» [5. С. 99].

К сожалению, непосредственное сосуществование и взаимодействие компактных этноконфессиональных общин сегодня зачастую наполняется конфликтным содержанием. Иммигранты, недовольные условиями жизни и не в полной мере готовые адаптироваться к новой среде, являют собой социальную базу для нестабильности, в том числе политической, в странах Запада. Негативное восприятие мусульман-иммигрантов, не в последнюю очередь, связано с тем, что последние с большим трудом интегрируются в общественную, политическую и культурную жизнь принимающих стран, сохраняя при этом генетическую и профессиональную привязанность к своим истокам. Безусловно, многим арабам-иммигрантам труднее, чем другим иностранцам, приспособиться к условиям жизни в европейской стране. Они, особенно на первых порах, очень нуждаются в помощи своих земляков и этнических общин, которые постепенно успели обрести внутреннюю структуру, живут по своим особым правилам и законсервировали внутри себя религию, культуру, нравы и обычаи своей родины. И в результате внутри общеевропейского пространства возникают своеобразные, чуждые окружающей социополитической среде анклавы, жизнь в которых зачастую регулируется неписаными законами, обычаями, и чье население де-факто оказывается за пределами официальной юрисдикции [5. С. 97].

Огромный приток иммигрантов со всего «третьего мира», в том числе из арабских стран, создал значительные проблемы для европейского населения. Это, прежде всего, безработица; кроме того, стремительно выросла преступность (особенно с приставкой «этно-»), возникли опасения и насчет будущего ряда стран: в демографическом плане — из-за высокой рождаемости в мусульманских семьях, и в плане культурном — памятуя о возможной перспективе «растворения» национальной самобытности в «поликультурном» обществе. Нелегальная миграция, кроме того, представляет питательную среду для террористических и экстремистских проявлений, для наркотрафика и прочих разновидностей криминала.

Самой «востребованной» европейской «станцией назначения» для арабских мигрантов является Франция. Сюда в основном едут выходцы из бывших фран-

цузских колоний — Алжира, Туниса и Марокко. Но, несмотря на то, что и у Ливана с Францией существуют давние исторические связи, это государство не стало для его мигрантов самым популярным. В начале нашего столетия во Франции проживало почти 2,4 млн выходцев из арабских стран, из которых только 35 тыс. — ливанцы (статистика охватывает только родившихся в Ливане мигрантов, а не их потомков) [12. С. 4—5]. Правда, миграция во Францию имеет свои особенности: в этой стране оседает больше всего студентов, отучившихся во французских высших учебных заведениях. Это означает, что родина мигрантов лишается получивших европейское образование высоко квалифицированных специалистов. Вместе с тем едущие во Францию ливанцы и без того обладают одним из самых высоких уровней образования, они наряду с египтянами и сирийцами лучше других арабских переселенцев адаптируются к новым условиям жизни и быстрее обретают гражданство.

Основную массу арабских мигрантов во Франции составляют выходцы из стран Магриба, многие из которых не обладают достаточным образовательным и культурным уровнем для успешной ассимиляции. Кроме того, как показала практика, темпы миграции существенно опережают возможности государства по регулированию миграционных процессов и адаптации к их последствиям. Недовольство мигрантов или местных жителей, а также их взаимные антипатии нередко переходят критическую черту и выливаются в серьезные социальные коллизии. Примеров тому много, из числа последних — масштабные беспорядки, начавшиеся в парижском пригороде Иль-де-Франс и выплеснувшиеся на другие пригороды с преимущественно иммигрантским населением.

Между тем проблема ливанской миграции во Франции и других государствах Европы стоит не столь остро. Как уже отмечалось, миграционные потоки из Ливана характеризуются своей дисперсностью. Если большинство выходцев из Туниса и Алжира следуют в основном во Францию, из Марокко — в Бельгию и Швейцарию, из Ливии — в Италию, из Египта — в Грецию и Великобританию, то ливанцы рассредоточились по всей Европе. Так, в Швеции в начале века проживало около 20 тыс. ливанцев, более 10 тыс. — в Великобритании и Дании [12. С. 4—5]. Количество ливанцев и их потомков в Германии оценивается в 46 тыс. человек (2006 г.) и большинство из них — мусульмане-шииты, обосновавшиеся здесь в 1975—1989 гг. И если неквалифицированные рабочие предпочитают ехать в государства, близкие по языковому признаку, то получившие высшее образование ливанцы находят себе применение в различных странах.

Такая ситуация, помимо прочего, связана с развитием постиндустриального общества и глобализацией, размывающими границы в высокотехнологичных областях и финансовой сфере — отличному программисту вовсе не нужно грамотно писать по-датски или по-шведски, но обязательно требуется обладать должной квалификацией и знанием англоязычной терминологии.

Естественно, что проблема замещения рабочих мест мигрантами-гастарбайтерами, запросы которых по части оплаты труда обычно на порядок ниже, не может не волновать европейцев. Таким образом, увеличивающееся миграционное

давление создает напряженность не только в конфессиональной области, но и попутно в сфере трудовых отношений. И подобные проблемы характерны не только для развитых государств, но и для стран Африки, куда также устремляются миграционные потоки из арабских стран. Правда, для «черного континента» ситуация на рынке труда существенно отличается: пришлые мигранты оказываются более квалифицированными, предприимчивыми и расторопными, чем местные уроженцы, многим из которых приходится пополнять и без того обширную армию безработных.

Ливанцы активно «осваивали» Африку в десятилетия мировой рецессии (1918—1945 гг.), затем, намного позже — во время гражданской войны (1975—1989 гг.), когда потоки ливанцев хлынули не только в Северную Америку и Европу, но и в Западную Африку: Нигерию, Гвинею, Сьерра-Леоне, Либерию, Бенин. Причем бывшие французские колонии в Африке выбирали себе для проживания в основном мусульмане-шииты из Южного Ливана. В африканских государствах бизнесмены из числа ливанских переселенцев являются уважаемыми гражданами, а ливанские землячества инвестируют свои средства не только в экономику, но и в социальную сферу, в благотворительность. Однако наблюдателей и местные власти беспокоит такая проблема, как возможная вовлеченность богатых ливанцев в «теневую» экономику, их же нередко подозревают в оказании нелегальной помощи экстремистским структурам.

Проблемой вовлеченности мигрантов в «теневую» экономику глубоко обеспокоены и власти Сьерра-Леоне, где в 2005 г. была значительно повышена плата за регистрацию трудовых мигрантов. По мнению экспертов из организации «Африканско-канадское партнерство», подобным образом правительство Сьерра-Леоне пытается лимитировать деятельность ливанских предпринимателей, особенно в области торговли алмазами [11. С. 7]. Официально экспорт алмазов в Сьерра-Леоне контролируют девять компаний, среди которых есть и ливанские, посредниками же выступают около 80 физических и юридических лиц. Однако размах нелегальной добычи и подпольной торговли алмазами дает специалистам повод предположить, что ливанцы активно в нее втянуты [15].

Отдельного рассмотрения заслуживает тема ливанской миграции в страны Персидского залива. Переселение ливанцев, равно как и других арабов, в аравийские монархии, явилось в свое время логичным следствием нестабильности внутри стран-доноров и ускоренного экономического роста стран-реципиентов в связи с активным освоением нефтяных богатств. Стоит вспомнить, что в конце 1950-х — начале 1960-х гг. «заливные» государства столкнулись с острой нехваткой рабочей силы, динамика роста которой не поспевала за развитием нефте- и газодобывающих отраслей, химической промышленности, транспортной инфраструктуры. Однако перекося был довольно скоро компенсирован, в основном, благодаря «межарабской» трудовой миграции, где ливанцы с палестинцами шли в первых рядах. Вторым по значимости «арабским» направлением для ливанской миграции после стран Персидского залива является Египет.

Самая большая доля ливанских мигрантов отправилась в другие арабские государства после начала гражданской войны 1975—1989 гг. Противостояние между

христианами и мусульманами расщепило поток переселенцев по конфессиональному признаку: в страны Америки и Европы выезжали в основном христиане, тогда как в другие арабские, а также африканские государства — мусульмане. По данным на 1982 г., за семь первых лет гражданской войны в Ливане оттуда уехали 276 тыс. человек, из которых 110 тыс. направились в нефтедобывающие страны Персидского залива, 10 тыс. — в другие арабские государства и 16 тыс. — в африканские страны [2. С. 122]. И если Африка привлекала малоквалифицированных работников, а также мелких коммерсантов, то в аравийские монархии ехали самые востребованные там — инженеры, техники, специалисты в области бизнеса и финансов. По данным ООН, страны Персидского залива за всю войну стали прибежищем примерно для 40% из 900 тыс. ливанцев, уехавших из страны [21. С. 54]. Чаще всего ливанцы уезжали на заработки в ОАЭ (28%), страны Африки (27%), Саудовскую Аравию (23%), Кувейт (15%) [13. С. 8]. На настоящий момент представить более или менее точную информацию о количестве трудовых мигрантов из Ливана, находящихся в других арабских государствах, будет весьма затруднительным. Это объясняется, в частности, тем, что некоторые страны-реципиенты не ведут подобной статистики, а также и тем, что многие мигранты живут, не имея при этом постоянного статуса пребывания и не получая гражданство.

По имеющимся данным, только за последнее десятилетие XX в. из Ливана уехали на постоянное место жительства или на временные заработки около 350 тыс. граждан [13. С. 9], т.е. почти 10% населения. Очередная волна миграции захлестнула Ливан во время и после конфликта с Израилем в июле 2006 г. Уровень безработицы достиг тогда 20%, более 500 тыс. граждан лишились крова, что вынудило 100 тыс. человек покинуть родину [22. С. 12]. В ходе боевых действий наименьший ущерб был нанесен самым бедным, северным районам страны, поэтому в миграционный поток влились в основном жители южных районов и Бейрута, формировавших большую часть ВВП страны.

Массовый миграционный отток из Ливана вызывает опасения у Бейрутского правительства и экономистов международных финансовых институтов. Хотя после гражданской войны и вторжения Израиля в 2006 г. власти страны приняли программу, стимулирующую возвращение переселенцев (восстановление жилищ для репатриантов и т.д.), однако лишь малая толика уехавших за границу граждан возвращается на родину, тогда как остальных пугает ее нестабильное настоящее и неопределенное будущее. И здесь необходимо отметить не только материально-финансовые, но и морально-психологические факторы, побуждающие ливанцев оставаться в странах-реципиентах.

Например, по данным экспертов Программы развития ООН, ливанские мигранты в последние десятилетия стали тратить по новому месту жительства заметно больше средств на воспитание и образование своих детей [21. С. 50]. Другими словами, родители заранее ориентируют и готовят молодежь к дальнейшей жизни и работе на «чужбине», находя это лучшей альтернативой по сравнению с возвращением в Ливан (где безопасность и благополучие существования давно уже не гарантируются).

Следует также указать на то, что период независимого развития Ливана характеризовался активным проникновением сирийских интересов. Это состояло в многолетнем присутствии 35-тысячного контингента из «братской соседней страны», в плотной опеке Дамаском ливанской политической и деловой сфер. В частности, на рынке рабочей силы наблюдалось засилие сирийских гастарбайтеров (по неофициальным данным, их число в отдельные моменты приближалось здесь к миллиону), а в самых прибыльных отраслях ливанского бизнеса всю хозяйничали дамасские спецслужбы. И такое положение сохранялось вплоть до момента, когда после убийства Р. Харири дамасское руководство попало под мощное международное давление и сирийские войска вынуждены были весной 2005 г. покинуть Ливан.

Между тем, доходы мигрантов являются едва ли не основной доходной статьей для Ливана. По оценке Всемирного банка, в 2006 г. 26% ВВП страны (около 5,6 млрд долл.) составляли средства, переводимые мигрантами на родину (в начале 1980-х гг. этот показатель достигал 40%). Причем около половины переводов поступали от 400 тыс. ливанцев, работающих в странах Персидского залива, в основном в Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейте. Эти средства, увеличивающие покупательную способность ливанских семей, однако, тем не менее, никак не способствуют развитию производственного сектора (инвестиции, если и вкладываются, то главным образом, в сферу услуг).

Миграция породила проблему «утечки мозгов» из Ливана, которая со временем обостряется. Страна, которая крайне нуждается в восстановлении социальной, политической и экономической инфраструктуры, неуклонно и притом безвозвратно теряет самые квалифицированные и к тому же молодые ресурсы. Эту ситуацию пока не удастся переломить. Самыми привлекательными странами ливанцам кажутся Канада, США, Франция, Австралия и Швеция.

Вместе с тем правительство в Бейруте рассчитывает на содействие ливанского лобби за рубежом (по образцу и подобию уже сложившегося израильского или кубинского в США), которое помогло бы в реализации программ восстановления ливанского государства. Так, мигранты активно лоббировали принятие Конгрессом США и парламентом Канады заявлений в защиту суверенитета Ливана. В 1999 г. при правительстве Салима Хосса (совмещавшего посты премьера и главы МИД) был издан министерский декрет, которым предусматривалось изучение потенциальных возможностей ливанской диаспоры для привлечения инвестиций в страну и улучшения ее имиджа за рубежом. Серьезными изысканиями по теме национальной миграции занялся Ливанский исследовательский центр миграции, созданный при университете Нотр-Дам. К задаче привлечения в страну квалифицированных трудовых ресурсов подключилась и ООН — в Ливане действует программа ТОКТЕН (Transfer of Knowledge Through Expatriate National). В рамках данного проекта к работе в Ливане привлекаются высококвалифицированные специалисты из числа эмигрантов, которые оказывают консалтинговые, проекторочные, администраторские услуги в областях образования, геологоразведки, строительства, сельского хозяйства и пр. Ливанские университеты и другие учреждения настойчиво приглашают мигрантов к прохождению стажировок и последующей работе на родине.

Доминанта конфессионализма, изначально заложенная в государственное устройство страны, всегда влияла на жизнь ливанской диаспоры за рубежом и через нее же опосредованно это влияние возвращалось на родину. Так, большую роль в создании и развитии маронитской партии «Катаиб» сыграли рожденные в Египте братья Пьер и Морис Жмайели (сыновья первого — Башир, а после его гибели Амин Жмайель — избирались в 1982 г. на президентский пост); шиитская диаспора Западной Африки активно поддерживала «Амаль», а осевшие в развитых государствах Запада христиане-эмигранты отдавали симпатии «Свободному патриотическому движению» Мишеля Ауна либо конкурентам из правохристианских «Ливанских сил»; наконец, фонд «Настоящее ради будущего» Рафика Харири действовал в интересах суннитской общины.

В большинстве государств, где осели ливанские мигранты, уже на протяжении десятилетий действуют клубы, гуманитарные и деловые ассоциации разного рода, совместные организации, социальные Интернет сети и т.п., которые организуют культурные мероприятия, курсы арабского языка, налаживают связи с иностранными бизнесменами и помогают им в выходе на ливанский рынок. Влиятельными инструментами в этой работе являются, например, Всемирный союз маронитов, Американо-ливанская торговая палата, Всемирный ливанский культурный союз, Союз ливанских эмигрантов-шиитов. Помимо прочего, через диаспоры осуществляется финансовая подпитка «малой родины».

Во время и после гражданской войны основанные мигрантами компании подключались к восстановлению страны. Самый большой интерес для них представляли сферы строительства, сельского хозяйства, коммуникаций, финансов. Так, в начале 1990-х гг. эмигранты инвестировали капиталы в 42 из 86 существовавших в Ливане банков. Во многом усилиями мигрантов, живущих в Европе и Северной Америке, произошла переориентация ливанского экспорта с арабских государств (куда, например, в 1984 г. шло до 95% ливанской продукции) на рынки развитых стран [10. С. 6].

Перед ливанским правительством всегда стояла задача сплотить мигрантов под лозунгом их общей принадлежности и патриотической приверженности своей родине, употребить их влияние в странах-реципиентах для того, чтобы обратить внимание последних на внутреннее положение в Ливане. Пожалуй, самым ярким примером приложения финансового и интеллектуального потенциала на благо родины вне конфессионального аспекта является деятельность покойного Рафика Харири (погибшего в результате теракта в Бейруте в феврале 2005 г.). Родом из Сайды молодой Харири в поисках лучшей доли уехал в 1965 г. в Саудовскую Аравию, где поначалу работал учителем, а затем бухгалтером. В 1969 г. он основал там строительную компанию SICONEST, выполнявшую заказы королевского двора, а в 1978 г. получил местное подданство. Успешно развивая свою «бизнес-империю» и приобретая активы в нефтяной, телекоммуникационной, строительной и финансовой областях, он параллельно инвестировал значительные средства в восстановление Ливана. При этом Харири, осознавая значимость проблемы «утечки мозгов» для своей родной страны, вкладывал деньги в обучение ливанцев всех конфессий, а также и в другие социальные проекты. Р. Харири и его спод-

вижники — ливанские предприниматели из числа мигрантов в странах Персидского залива — оказывали помощь православному Теологическому институту Иоанна Дамаскского (Университет Баланда) и Университету Святого Иосифа, а также основали «Исламскую ассоциацию высшего образования». В 1992 г. Р. Харири возвращается на свою историческую родину и впервые становится премьер-министром (пост, который он затем покидал и вновь на него возвращался).

В целом можно говорить о том, что нынешнее ливанское правительство гораздо более заинтересовано в инвестиционном содействии соотечественников, мигрантов, нежели в их приобщении к политической жизни страны.

При изучении жизни ливанских диаспор за рубежом экспертами ООН выявлены и иные факторы, которые мешают эффективному участию эмигрантов в восстановлении страны. Так, на практике оказалось, что многие ливанцы за рубежом фактически лишены права голоса на выборах в местные законодательные органы, однако процедура восстановления ливанского гражданства крайне усложнена (и это — несмотря на наличие соответствующего законодательства) [10. С. 17].

Таким образом, остается констатировать: потенциал ливанских диаспор, которые глубоко ассимилировались в развитых государствах, а в странах Персидского залива и Западной Африки зарабатывают самые крупные капиталы, на благо самого Ливана используется далеко не в полной мере. И в этом плане бейрутской администрации предстоит еще приложить немало усилий. В первую очередь, опыт мигрантов, их профессионализм и капиталы должны быть задействованы на благо восстановления инфраструктуры Ливана и адекватного кадрового наполнения. Естественно, результативность этого процесса будет зависеть от многих обстоятельств, в том числе и тех, что выходят далеко за рамки небольшого ливанского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахмедов В.М.* Арабский мир — пути развития. — 2005 // www.iimes.ru.
- [2] *Гасратян А.В.* Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970—2000 гг.). — М.: ИИИиБВ, 2004.
- [3] *Глебова Н.С.* Гуманитарное положение в странах арабского мира в докладах ООН (2002—2004). — 2005 // www.iimes.ru.
- [4] *Кордесман Э.Х.* Усилия Запада в области безопасности и Большой Средний Восток // [www.http://usinfo.state.gov/journals/itps/0604/ijpr/cordesman/htm](http://usinfo.state.gov/journals/itps/0604/ijpr/cordesman/htm).
- [5] *Малашенко А.В.* Тень ислама над Европой // *Международная жизнь*. — 2004 — № 9.
- [6] *Рязанцев С.* Миграционные тренды и международная безопасность // *Международные процессы*. — 2003. — № 3, сентябрь—декабрь.
- [7] *Савичева Е.М.* Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. — М.: Изд-во РУДН, 2009.
- [8] ABS 2001 Census of Population and Housing // www.abs.gov.au.
- [9] Background Note: Argentina. Bureau of Western Hemisphere Affairs. — February 2008 // www.state.gov.
- [10] *Boutros Labaki.* The Role of Transnational Communities in Fostering Development in Countries of Origin. The Case of Lebanon // www.un.org.
- [11] Diamond Industry Annual Review. Sierra Leone. 2006 // www.pacweb.org.

- [12] *Dumont J-C.* Immigrants from Arab Countries to the OECD: from the Past to the Future. OECD, Directorate for Employment, Labour, and Social Affairs, Division of Non-member Economics and International Migration // www.un.org.
- [13] Facts about Lebanese Emigration (1991—2000) by Information International. 1—7 November 2001 // www.information-international.com.
- [14] *Guita G. Hourani.* The Struggle of the Christian Lebanese for Land Ownership In South Africa // <http://www.mari.org>.
- [15] *Lansana Gberie.* War and Peace in Sierra Leone: Diamonds, Corruption and the Lebanese Connection // www.pacweb.org.
- [16] Lebanon's Report to the World Summit of Sustainable Development. Johannesburg, 2002 // www.undp.org.lb.
- [17] *Marina Sarruf, Isaura Daniel.* A Saga dos Libaneses no Brasil, Começou Há 125 anos. — 20 April 2005 // <http://www.brazil-brasil.com/content/view/366/78>.
- [18] *Miller M.* The World's Richest People. 5 March 2008 // www.forbes.com.
- [19] Perspectives on Migrants, 2007 // www.abs.gov.au.
- [20] The Lebanese Community in Canada, 2001. By Colin Lindsay. Social and Aboriginal Statistics Division. — August 28, 2007 // www.statcan.ca.
- [21] The National Human Development Report. Lebanon. Youth and Development. 1998—1999 // www.undp.org.lb.
- [22] UNDP's Participation in Lebanon's Recovery in the Aftermath of the July 2006 War // www.undp.org.lb.
- [23] We the People of Arab Ancestry in the United States. Census 2000 Special Reports. US Census Bureau. — May 2005 // www.census.gov.
- [24] www.emigrantelibanes.com.

LEBANON AND ITS DIASPORA: STRAIGHT AND REVERSE CONNECTION

E.M. Savicheva

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article considers peculiarities of the Lebanese Diaspora formation and its relationship with the Lebanese society. The analysis of the statistical data which is throwing light on status of the Lebanese diasporas in various parts of the world is carried out.

Key words: Lebanon, migration, Diaspora, status, demographic problems, brain drain, ethnic and confessional groups, assimilation.